

Как открытая рана

«Все мои сыновья» в Свердловской драме – о том, чем оборачивается семейный конформизм

Ирина КЛЕПИКОВА

С трудом представляешь себе, что пьеса «Все мои сыновья» американца Артура МИЛЛЕРА, которую Свердловская драма выбрала для постановки, написана 80 лет назад. Ощущение – будто закончена вчера. Основанная на факте из газетной публикации, пьеса рассказывает о реальных событиях Второй мировой войны. Но «срок давности» в данном случае, оказалось, не имеет никакого значения.

Есть свидетельства, что родственница Миллера обратила внимание драматурга на газетную заметку, рассказывающую о сговоре некой военной компании с армейскими чиновниками, в результате чего для производства самолетов поставлялись бракованные детали. Были жертвы, были даже разбирательства в Конгрессе США. Но Миллер оставил в стороне большую политику и общественный резонанс истории. Он создал семейную драму.

Решают пожениться Крис и Энн, дети бывших партнеров-руководителей компании, один из которых «за умышленное невыполнение своих служебных обязанностей» сидит в тюрьме, а второй на свободе. И только сопоставление всплывающих со временем фактов делает очевидным: свобода была куплена когда-то взяткой.

Подобно тому, как Миллер «приглушил» большой конфликт до семейного противостояния, театр – уже буквально – приглушает визуальное решение истории (художник-постановщик **Владимир Кравцев**). До черно-серо-белой гаммы. Скупая графика не даст отвлечься – ни на роскошь интерьеров, ни на изыск нарядов (семьи-то состоятельные). Внешние атрибуты – вообще, дело десятое для театра. Главное – как оценивают ситуацию и вскрывшиеся подробности герои. Для всех ситуация – пограничная, но каждый судит ее по-своему.

Максимально отказавшись от бытовых деталей, художник Владимир Кравцев приподнимает над планшетом сцены наклонную, обращенную к зрителю площадку, где и развернутся драматические события. Площадка – все равно что лобное место, где герои спорят, судят, обвиняют, пытаются замолчать либо отмотаться. Этакая нравственная Голгофа. Для каждого – своя. Счастливых здесь не будет.

Спектакль минимизирован даже в тексте. Нонсенс, кажется, противоречие здравому смыслу, но... пьеса Артура Миллера сокращена в Свердловской драме на час сценического времени, которое предполагает оригинал. И у создателей спектакля были на то свои резоны. Прежде всего – у режиссера.

– Когда с театром работаешь давно, некоторые вещи проис-

Правда неопровержимо всплывает из последнего, предсмертного письма Ларри (Юрий Антонов, справа). Джо Келлер (в центре) – Борис Горнштейн, Крис Келлер – Сергей Заикин



ПРЕДСТАВЛЕНО СВЕРДЛОВСКИМ ТЕАТРОМ ДРАМЫ

ходят интуитивно, – говорит режиссер-постановщик **Алексей Логачев**. – Сначала с выбором пьесы. Читаешь и понимаешь: этому театру она подходит. Есть артисты, которым эти роли под силу. Именно так случилось, когда, закончив нашу предыдущую работу с театром, 31 декабря 2024 года я обложился пьесами Миллера. Перебирал, сравнивал, выбирал. Но в конце концов решил: ЭТА прозвучит лучше. Да, пришлось резать. Западные драматурги словно мало доверяют актерам и нам, режиссерам: словами пытаются расшифровать все. А когда слов много, когда герои много говорят, то напряжение заземляется, рассеивается. И наоборот. Наша задача была – «очеховить» пьесу. Показалось: если подсократить, возникнет больше пауз и подтекста. Больше напряженных зон. Мы хотели увеличить пространство для проживания напряженных ситуаций...

А их в пьесе много. Спектакль же – вообще, как открытая рана. Сродни греческой трагедии. Волею судеб (и драматурга Миллера) сын главных героев Ларри, летчик, погибает на войне примерно в то же время, когда из компании отца на строительство самолетов поступают бракованные детали. И постепенно прозрение наступает всех. От неведения – к сомнениям, от догадок – к уверенности.

Для образа летчика Ларри театр приобрел настоящую форму и парашют – подлинный, военный, поживший. Искал и нашел. Создатели спектакля хотели, чтобы от проходящего по залу Ларри шли к зрителям флюиды реального. Это и происходит. От близости самого героя. От близости поднятой в спектакле темы. Герой – рядом, в нескольких шагах, тема – абсолютное попадание в день сегодняшний, в каждое сердце. Кому иногда не жает-

ся, что большая беда где-то далеко и собственное малодушие-огрех-промах не коснутся близких? Так казалось и Джо Келлеру (**Борис Горнштейн**). Но оказывается: все связано, и погибшие по преступной халатности летчики – «все мои сыновья». Не только Ларри.

Пьеса «Все мои сыновья» – роскошь для актеров. Для актерской игры. Каждый из героев приходит к прозрению по-своему. Энн, невеста Ларри (**Екатерина Остапенко**), узнавшая правду из его предсмертного письма, до конца скрывает и письмо, и правду. Ее брат Джордж (**Евгений Кондратенко**), напротив, убежден, что Джо Келлер должен понести наказание, как и его отец – партнер Джо по бизнесу. Сам Джо считает, что поступал как лучше. Для бизнеса и для семьи. Большой беды, мол, не будет. Но она наступила. Даже в этой семье, удаленной от фронтовых действий и большой политики. Мучительней всего Кейт Келлер (**Ирина Ермолова**), для которой признать гибель сына Ларри – значит признать вину его отца, собственного мужа. Примерно перед такой же мучительной дилеммой Крис (**Сергей Заикин**), второй сын Келлеров: согласиться с виной отца означает для его юношеского максимализма требовать расплаты. Но когда она наступает, тот же Крис, ослепленный самоубийством отца, кричит в рыданиях: «Я не хотел!»

Все хотели как лучше. Всем казалось, что их маленький, частный конформизм убережет близких. Не случилось. Случилось всё наоборот и много хуже. Но финал спектакля – не самая горькая его точка. Самое большое напряжение – «до», в громадной амплитуде отношений разных людей к одной и той же ситуации. И это так «искрит», что заставляет и зрителей периодически принимать на себя

«напряжение», самим решать – на чьей стороне правда.

Кстати, это «внутреннее замыкание» стало и метафорой спектакля. Над приподнятой площадкой, акцентирующей место семейной драмы, – конструкция, напоминающая одновременно и останки самолета, и рухнувшее дерево, и обнаженное, беспомощное под хирургическим ножом тело. И разряд молнии. В самые отчаянные моменты драмы конструкция начинает искрить. Замкнуло. Возможно, обойдется. Но не исключено – «перегорит» навсегда.

Свердловская драма не первый раз предлагает зрителям жесткий выбор. Не просто «привести вечер в театре» и уйти восвояси. «Все мои сыновья» в очередной раз заставляют определиться: а ты за кого? По какую сторону? Как поступил бы на их месте? Перевод **Алексея Бадаева**, профессионально знающего литературу и театр (и тонкости english!), позволил сформулировать на русском наиболее точные, цепляющие варианты реплик. От расхожих, узнаваемых «Маленький человек совершает ошибку – его тянут на дыбу, большому все сходит с рук». До фраз убойных, публицистических, когда от злободневности... да-да, искрит.

Любопытная деталь: «Все мои сыновья» – вторая постановка этой пьесы Миллера в Свердловской драме. О первой, в 1949 году, сохранилась заметка в газете «Уральский рабочий»: «Спектакль, поставленный нашим театром, значительно ярче и содержательнее пьесы... То, что мы видим в театре, имеет гораздо более острое политическое звучание». Можно повторить это и нынче. Единственное: сегодня театр поставил не «разоблачительный памфлет», а жгучую человеческую драму. Это актуальнее. Ближе к каждому.

Камерный театр, несмотря на ремонт, ждет зрителей

Камерный театр Объединенного музея писателей Урала блистательно завершил сезон спектаклем «Дом» по пьесе современного финского драматурга Кристиана СМЕДСА. Премьеру уже называют смелой. Несмотря на камерность жанра (две актрисы на сцене три часа держат внимание зрителей), это подлинный психологический театр.

– Я же как садовник пытаюсь взрастить «зерно» (из пьесы – спектакль), но для этого нужна «почва», – признался режиссер спектакля **Алексей Янковский**. – И я нашел ее в этом театре. Замечательные актрисы **Марина Савинова** и **Анастасия Иванова** справились с задачей...

Те, кто под занавес сезона не успели увидеть любопытный «Дом», смогут сделать это в сентябре, но... на других площадках, где будет работать Камерный театр во время уже начавшегося ремонта.

Театру уже 28 лет. И он, конечно, требовал обновления. В ремонте, рассчитанном на два года, соединятся средства федерального, областного и муниципального бюджетов – будет освоено 119 млн рублей. Предстоит ремонт сцены и вентиляции зала, обновление светового и звукового оборудования, будут созданы условия для посещения театра людьми с ограниченными возможностями. Но сохранится самобытный нынешний образ театра как Малахитовой шкатулки: рельефный потолок в зале, витражи, красивая лестница, замечательная акустика.

И очень важно, что на время ремонта театр не закрывается, он остается со зрителями. Только – на площадке Дома офицеров: туда уже перевезены декорации спектаклей, костюмерные театра, билетная касса.

– Новая площадка, надеюсь, позволит сохранить для зрителей все спектакли репертуара, – рассказывает директор Объединенного музея писателей Урала **Ирина Евдокимова**. – И все наши планы. Например, фестиваль «Уральский променад». Нынче мы с 1 августа присоединим его в Екатеринбурге к празднованию Дня города, и в течение десяти дней уральцы увидят наши спектакли «Золото», «Горный царь» (про генерала Глинка), спектакль по уральскому року. А с 23 по 27 сентября пройдет фестиваль моноспектаклей и дуэтов «Свой», который имеет уже российскую известность. Приедут актеры из Нижнего Новгорода, Сарова, Рыбинска, Москвы, Санкт-Петербурга, представим лучшие спектакли прошлых фестивалей «Свой». Из новых постановок будут «Маяковский», «Дом», «Небесный тапер». Уже открываем продажу билетов на фестиваль «Свой». Спектакли пройдут на сценах Театра кукол, Коляда-театра, в «Колизее» и Доме офицеров.

Ирина КЛЕПИКОВА